

ТАЙНА ГИБЕЛИ ЛИНКОРА «НОВОРОССИЙСК»

SOS

Николай Черкашин

SOS

Николай Черкашин

**Тайна гибели линкора
«Новороссийск»**

«ВЕЧЕ»

2016

Черкашин Н. А.

Тайна гибели линкора «Новороссийск» / Н. А. Черкашин —
«ВЕЧЕ», 2016 — (SOS)

ISBN 978-5-4484-8002-7

В Северной бухте Севастополя 29 октября 1955 года произошла одна из самых тяжелых морских трагедий русского флота – затонул флагман Черноморской эскадры линкор «Новороссийск». Погибли более 600 моряков. Согласно официальной версии, под днищем корабля взорвалась старая донная немецкая мина. Но существуют и другие, неофициальные версии, по одной из которых ответственность за гибель «Новороссийска» несут итальянские диверсанты. Известный писатель-маринист Николай Черкашин делится с читателями своей версией происшедшего.

ISBN 978-5-4484-8002-7

© Черкашин Н. А., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Предисловие	6
От автора	7
Часть первая. За три ночи до полной луны...	10
Они ничего об этом не знают!	11
Автограф смерти, или Время черных фуражек	12
«Мы думали, началась война!»	17
«Спокойно, ребятки, спокойно!..»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Николай Черкашин

Тайна гибели линкора «Новороссийск»

© Черкашин Н.А., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

Предисловие

Обычно предисловия к морским книгам пишут флотоводцы-адмиралы, а не матросы. Но здесь, видимо, случай особый. Дело в том, что трагедия линкора «Новороссийск» была трагедией прежде всего матросской, ибо погибли в основном сотни матросов и только с десятков офицеров. Но, видимо, так было угодно судьбе...

Я служил на линкоре «Новороссийск» матросом в должности электрика электротехнического дивизиона боевой части пять. Пережил страшную ночь 29 октября 1955 года. К горечи потерь примешивалась и обида на замалчивание нашей беды. Никаких официальных соборнозваний, никакого траура, хоронили моих товарищей молчком по ночам на Северной стороне, как бы стыдясь их подвига. А ведь это был подвиг: моряки спасали свой корабль до последней минуты, и не было их вины в том, что смертельно раненный линкор опрокинулся посреди рейда... Об этой самой страшной трагедии советского флота молчали ровно тридцать три года, пока писатель Николай Черкашин не сорвал покров с мрачной тайны. Его статья «Взрыв», опубликованная в «Правде» 14 мая 1988 года, произвела на общественность эффект взрыва. Как справедливо заметил замечательный ученый-корабел профессор Н.П. Муру, это стало возможным благодаря гражданскому мужеству писателя. Ведь даже в разгар так называемой гласности тема «Новороссийска» ревностно охранялась военной цензурой и Главпуrom. Прежде чем написать эту статью, а затем и документальную повесть «За три ночи до полной луны», Николай Черкашин прожил не одно лето в Севастополе, обошел десятки домов, в которых жили ветераны линкора, расспросил всех, кто был хоть как-то причастен к трагедии «Новороссийска». Потом была многоадресная переписка с иногородними «новороссийцами», работа в архивах... То, что сделал Николай Черкашин, можно сравнить с писательским подвигом Сергея Смирнова, открывшего нам всем героев Брестской крепости. Потом были телевизионные фильмы и встречи с читателями. Особенно бурно проходили они в Севастополе, где боль и скорбь о погибших на виду у всего города моряках не притупилась и сегодня. Писатель сполна выполнил свой гражданский и человеческий долг перед моряками «Новороссийска», добившись увековечивания имен погибших, которые выбиты наконец-то на безымянных плитах мемориала «Родина – сыновьям». Немало он сделал и для того, чтобы морякам линкора вернули их законные награды – ордена, к которым они были представлены полвека назад.

Михаил Полковников, матрос в отставке, ветеран линкора «Новороссийск»

От автора

Материалы о гибели линкора «Новороссийск» я стал собирать в конце 80-х годов с легкой руки начальника Аварийно-спасательной службы ВМФ СССР контр-адмирала-инженера Николая Петровича Чикера. Это был легендарный человек, инженер-судостроитель, настоящий эпроновец, крестник академика А.Н. Крылова, друг и заместитель Ива Кусто по международной федерации подводной деятельности. Наконец, самое главное в этом контексте – Николай Петрович был командиром экспедиции особого назначения ЭОН-35 по подъему линкора «Новороссийск». Он же разрабатывал и генеральный план подъема корабля. Он же руководил всеми подъемными работами на линкоре, включая его перевод из Северной бухты в бухту Казачья. Вряд ли кто-нибудь еще знал о злополучном линкоре больше, чем он. Я был потрясен его рассказом о трагедии, разыгравшейся на внутреннем рейде Севастополя, о героизме моряков, стоявших на своих боевых постах до конца, о мученической гибели тех, кто остался внутри перевернувшегося корпуса...

Оказавшись в тот год в Севастополе, я принялся разыскивать участников этой горькой эпопеи, спасателей, свидетелей. Их оказалось немало. К нынешнему дню, увы, больше половины ушли в лучший мир. А тогда... Тогда еще были живы и заместитель командира корабля по политчасти, и командир дивизиона главного калибра, и главный штурман, и главный боцман линкора, и многие офицеры, мичманы, матросы «Новороссийска»... Шел по цепочке – от адреса к адресу... Севастополь, Севастополь... Линкор «Новороссийск» был растворен в этом городе, как растворяется память в клетках мозга.

Вдруг улицы, спуски, набережные, по которым я так безмятежно бродил все свои летние отпуска, стали вдруг тревожными и скорбными. Горе проступало черными пятнами на белых стенах уютных домиков Корабельной, на лепных фасадах Большой Морской... Здесь живет боцман с линкора, там – искалеченный матрос, тут – семья погибшего офицера, а в соседнем квартале – вдова одного из инженер-механиков «Новороссийска»...

Дело мое пугало меня. Сотни «кинолент», на которые гибель линкора была снята с разных точек, разными объективами и на разных «пленках», были разорваны в клочья и рассеяны по всему городу, по всей стране. Я собираю их куски, монтирую эпизоды, отдельные кадры... Жуткие кадры! Но они должны быть выстроены в единую картину.

В те горячие суматошные дни, когда блокноты пухли от записей «показаний» участников трагедии и очевидцев, неожиданно пришла весьма ощутимая помощь от начальника Технического управления Черноморского флота контр-адмирала-инженера Юрия Михайловича Халиулина. Год назад мы ходили с ним на ракетном крейсере «Москва» в Варну, к мысу Калиакрия, почтить память адмирала Ушакова, одержавшего там блестящую победу над турками. Юрий Михайлович пригласил меня в свой кабинет, разложил на столе чертежи «Новороссийска» и документы с не снятым еще грифом «Секретно».

– Читай, – сказал он. – Вникай. Но только ничего не записывай.

Он ушел, оставив меня наедине с бумагами. Я читал и ничего не записывал: я не имел права подводить Халиулина. Ведь он и так пошел на нарушение режима секретности. И сделал это не ради меня, а в память тех офицеров-механиков, которые почти все погибли на боевых постах в недрах линкора. Юрий Михайлович, сам корабельный инженер-механик, хотел, чтобы подвиг его коллег был не забыт, был бы достойно отражен в будущей книге. Я всегда плохо запоминал цифры. А здесь, в документах, их было множество. Тогда я стал затверживать по три числовых значения; потом выходил в туалет и там записывал, что называется, на манжетах: площадь пробоины, глубина под килем, расстояние линкора до берега. Потом возвращался, и снова запоминал три важных цифровых величины, и снова отправлялся в туалет: быстро набрасывал – количество погибших при взрыве, количество погибших после опрокидывания, точное

время поворота оверкиль... Если бы за мной вел наблюдение какой-нибудь особист-режимщик, он бы точно решил, что у меня приключилось расстройство желудка. Однако через год-другой все эти цифры и многие другие цифры и факты, засекреченные в 1988 году, были обнародованы в книге Бориса Каржавина, который получил допуск для работы с архивными документами по «Новороссийску». Я этот допуск не оформлял. Документы могут лежать в архивных папках десятилетиями, а живые участники события, знающие многое из того, что не отражено в официальных бумагах, уходят из жизни каждый год. Поэтому я искал и расспрашивал, расспрашивал и искал. И не только в Севастополе, но и в Москве, и в Питере... Это были те самые люди, на показаниях которых составлялись документы Госкомиссии. Но только тогда они были придавлены прессом страха перед большими чинами, они еще не оправились от пережитого шока, а сейчас они вспоминали и рассказывали все – без оглядки на строгих следователей в погонах. У следователей есть поговорка: «Врет, как очевидец». Да, люди по-разному воспринимают одни и те же вещи, по-разному излагают одни и те же события. Но ведь и документы пишут тоже люди, да еще с оглядкой на то, что эти бумаги будут читать большие начальники. Поэтому и в документах не всегда запечатлена истина. Книга Каржавина, построенная на одних архивных документах, вызвала самые противоречивые толки среди уцелевшего экипажа «Новороссийска», заставила их писать коллективные протесты. Как бы там ни было, но я работал в первую очередь с людьми, быть может, повторяя их заблуждения, неточности, но вбирая в себя боль матросской души, впечатывая в свою память их мужество, их разумение причин и следствий самой страшной нашей морской трагедии.

По великому счастью, меня познакомили с вдовой командира электротехнического дивизиона Ольгой Васильевной Матусевич. Она собрала обширный фотоархив, в котором можно увидеть лица всех погибших на корабле моряков – свыше шестисот портретов.

Мне удалось разыскать и побеседовать с вдовой героически погибшего на «Новороссийске» начальника Техупра ЧФ инженер-капитана 1-го ранга Виктора Иванова – с Ниной Григорьевной Зленко, со вдовами старпома капитана 2-го ранга Григория Хуршудова и помощника командира капитана 2-го ранга З. Сербулова, офицеров БЧ-5 Михалюка и Мартынова... Крупицы правды о гибели линкора я узнавал из первых уст. Мне удалось поговорить даже с бывшим командующим Черноморским флотом в тот роковой год – вице-адмиралом Виктором Пархоменко. Информационный диапазон был предельно широк – от комфлота и командира аварийно-спасательной экспедиции до матросов, которым удалось выбраться из стального гроба... Дюжина блокнотов с рассказами очевидцев, пакеты с фотографиями, ксероксы документов, схем, рисунков... В папке «особой важности» хранилась запись беседы с командиром отряда боевых пловцов Черноморского флота капитаном 1-го ранга Юрием Плеченко, с сотрудником контрразведки ЧФ Евгением Мельничуком, а также с адмиралом Гордеем Левченко, который в 1949 году перегонял линкор «Новороссийск» из Албании в Севастополь.

И я засел за работу. Главное было не утонуть в материале, выстроить хронику события и дать каждому эпизоду объективный комментарий. Довольно объемный очерк (на две газетных полосы) я озаглавил названием картины Айвазовского «Взрыв корабля». Когда все было готово, отнес очерк в главную советскую газету – «Правду». Очень надеялся, что этому авторитетному изданию разрешат сказать правду о гибели «Новороссийска». Но даже в эпоху горбачевской гласности это оказалось невозможным без разрешения цензора. «Правдинский» цензор отправил меня к военному цензору. А тот – еще дальше, точнее выше: в главный штаб ВМФ СССР.

– Вот если начальник главного штаба подпишет, тогда печатайте.

Начальник главного штаба ВМФ СССР адмирал флота Николай Иванович Смирнов лежал в госпитале имени Мандрыко. Он проходил обследование перед увольнением в запас и согласился встретиться со мной в палате. Еду к нему в Серебряный переулок. Палата с уютом хорошей двухкомнатной квартиры. Адмирал внимательно прочитал привезенные

гранки, вспомнил, что и он, тогда еще капитан 1-го ранга, принимал участие в спасении «новороссийцев», оказавшихся в смертельной ловушке стального корпуса.

– Я предложил использовать для связи с ними установку звукоподводной связи. И они услышали под водой мой голос. Я призывал их к спокойствию. Попросил обозначить стуком, кто где находится. И они слышали. Корпус опрокинувшегося линкора отозвался ударами по железу. Стучали отовсюду – из кормы и носа. Но вызволить удалось только девять человек...

Адмирал Смирнов подписал мне гранки – «Разрешаю к публикации», но предупредил, что его виза правомочна только на ближайшие сутки, поскольку завтра будет приказ о его увольнении в запас.

– Успеешь за сутки напечатать?

Я успел. Наутро 14 мая 1988 года газета «Правда» вышла с моим очерком – «Взрыв».

Любопытная вещь: вскоре после моей публикации – ровно через неделю! – возглавлявший в 1955 году разведку ВМФ контр-адмирал Б. Бобков заявил в газете «Красная звезда»: «Еще в 1955 году я сразу же пришел к выводу, что взрыв линкора – дело рук диверсантов Боргезе». Ему, как говорится виднее... Так или иначе, но именно в те дни была пробита брешь в завесе молчания над линкором «Новороссийск».

Главный инженер экспедиции особого назначения, доктор технических наук, профессор Николай Петрович Муру подписал мне свою брошюру «Поучительные уроки аварии и гибели линкора “Новороссийск”»: «Николаю Черкашину, положившему начало гласности о трагедии». Для меня эта надпись была высшей наградой, так же как и памятная медаль «Линкор “Новороссийск”», которую мне вручил председатель совета ветеранов корабля капитан 1-го ранга Юрий Лепехов. И еще воспринимаю как награду слова контр-адмирала Николая Никольского, бывшего в 1955 году начальником штаба эскадры, который отметил в своей книге «Почему погиб линкор “Новороссийск”»:

«Огромную работу провел писатель Николай Черкашин, собравший и обобщивший большое число воспоминаний и фактического материала. Прошло 30 лет, пока “гласность” позволила Н. Черкашину, первому из писателей, показать истинный героизм моряков. Когда умер Горшков, стало возможным через “Правду”... во весь голос сказать правду о героях-“новороссийцах” и добиться разрешения вырезать на мраморе имена погибших...»

Контр-адмирал Николай Никольский в годы войны командовал эсминцами, в начале 50-х годов стал начальником штаба эскадры кораблей Черноморского флота. В часы борьбы за живучесть корабля находился на борту линкора «Новороссийск». Обо всем увиденном, пережитом, передуманном написал книгу «Почему погиб линкор “Новороссийск”». Это единственная книга, написанная участником морской трагедии, да к тому же занимавшим немалый пост в командной иерархии Черноморского флота – и.о. командира эскадры. Храню эту книгу, как ценный документ, ибо ее написал единственный из всех семерых адмиралов, стоявших в ту роковую ночь на борту гибнущего корабля. Заставил себя написать. Все остальные промолчали.

Автор весьма признателен всем ветеранам линкора «Новороссийск» и членам семей погибших моряков-черноморцев, поделившимся своими воспоминаниями, а также адмиралу флота Н.И. Смирнову и контр-адмиралу-инженеру в отставке Н.П. Чикеру, контр-адмиралу М.В. Короткову, О.В. Матусевич, ныне, увы, покойным; контр-адмиралу Ю.М. Халиулину, художнику-историку Андрею Лубянову, И.Е. Руденко, редакции газеты «Слава Севастополя», всем лицам и организациям, которые оказали помощь в сборе материалов для этой повести.

Москва – Севастополь. 1988–2015 гг.

Часть первая. За три ночи до полной луны...

Женщины бились в надгробных венках, рыдали и голосили, проклиная море, судьбу, корабль, адмирала... В их глазах еще стояло страшное ночное видение: черная туша опрокинувшегося линкора, скопище людских голов в воде, бурлящей от вырывавшегося из корпуса воздуха, от предсмертных вздохов, от взмахов сотен рук, пльвших и утопавших. Они плыли к берегу, где с высоты железнодорожной насыпи зывали к ним их жены и дети. Они тонули у них на глазах, и жены, мертвея, превращались во вдов, сыновья – в сирот. Стена людского горя остановила ночной экспресс, шедший в Севастополь 29 октября 1955 года... Машинист и пассажиры, разбуженные горестным воем, вглядывались в темень бухты, исполосованную лучами прожекторов. Там разворачивалась одна из самых страшных в истории мореплавания трагедий...

Имя этого корабля я слышал давно – еще школьником. Его произносили вполголоса: так и должно было быть – в знак скорби. Но при этом оглядывались – не подслушал ли кто государственную тайну? Шел пятьдесят пятый год... В те времена еще не привыкли называть вещи своими именами. Однако ни тогда, ни теперь гибель линкора «Новороссийск» не составляла и не составляет никакой особой тайны. Не могла быть тайной весть, облетевшая весь флот, сотни семей, все крупные газеты мира...

Несколько лет назад НАТОвские военные журналы, комментируя события тридцатилетней давности, писали, не скрывая злорадства: «Самая крупная катастрофа в истории Вооруженных Сил Советов – результат технического авантюризма большевистского флота. Трагическая гибель большого корабля в центре военно-морской базы, сотни и сотни жертв, унесенных на дно перевернувшимся линкором, десятки заживо погребенных, к которым спасатели так и не смогли прийти на помощь, красноречиво говорят о морской выучке русских, отсталости советской инженерной мысли, жестокости большевистских уставов».

«Русские потеряли самый крупный свой корабль, доставшийся им от итальянского флота как трофей, только потому, что они не смогли овладеть слишком сложной для них западной техникой».

Можно было бы привести добрую дюжину подобных сентенций из других изданий, но нужды в том нет, так как все они перепевают на разные лады одни и те же обвинения.

Тридцать три года мы молчали о трагедии «Новороссийска», словно нам нечего было возразить нашим недругам. Это молчание воспринималось ими (или выдавалось широкой публике) как наше невольное согласие с оценками западных военных обозревателей драмы в севастопольской бухте, оценками весьма предвзятыми, а то и вовсе извращенными.

За треть века нашего несправедливого молчания имя погибшего линкора обросло множеством небылиц, домыслов, кривотолков. «Новороссийск» стал мрачной легендой нашего флота, а севастопольская бухта обрела славу филиала Бермудского треугольника.

«Как же, как же, – приходилось слышать не раз и не два, – ведь на том же самом месте взорвалась и погибла в 1916 году “Императрица Мария” – лучший линкор Черноморского флота. Причем оба корабля перевернулись и оба унесли свои экипажи на дно...»

«И все курсантики, молоденькие... Их как раз на практику туда направили».

«Трое суток живые из-под воды в корпус стучали...»

«Водолазы работать не могли... Все коридоры трупами были забиты. Трое в уме повредились...»

По счастью, еще живы люди, которые могут рассказать, как было все на самом деле... А те, кто уже ушел из жизни, успели оставить свои свидетельства...

Они ничего об этом не знают!

Севастополь. Июнь 1985 года

Рейсовый катер отваливает от Графской пристани под разудалую песнь:

Серебристым аквалангом
Я на солнышке взблесну!..

Протискиваюсь сквозь битком набитый салон на корму. Здесь тоже людно. Светлосый богатырь в кепи с надписью «capten», вышитой на козырьке, потягивает из бутылочки «пепси-колу». Курсант-главстаршина в фуражке старшекурсника придерживает белокурую спутницу – белая юбка, красные босоножки, загорелые ноги, красные ногти. Парень в джинсовой «варенке» пощелкивал клавишами портативного «Шарпа», заставляя его динамики то голосить про счастливого аквалангиста, то заливаться безмятежными итальянскими песнями. Он очень старался привлечь внимание двух девиц в белых просвечивающих платьях и черных сетчатых колготках. Девушки курили и ели мороженое, чередуя затяжки с обкусыванием вафельного стаканчика.

Катер держал курс на Аполлоновку. По правому борту проплыл Павловский мысок с обелиском эсминцу «Свободный». Затем потянулась длинная серая стенка Госпитальной набережной, и сердце мое тревожно заныло. Где-то здесь... Быть может, он стоял вот на этой якорной бочке... Нет, ту, № 3, линкоровскую, убрали, а новую поставили чуть мористее. И все-таки «Новороссийск» стоял где-то здесь. Возможно, мы даже проходим сейчас над его срезанными водолазами мачтами, в рубках которых, засосанных глубоко в ил, покоятся кости матросов, так и не покинувших свои боевые посты.

«Морской трамвайчик» шел над не известной никому подводной братской могилой...

Ладонь курсанта осторожно блуждала по обнаженной талии своей прекрасной спутницы. Богатырь в капитанском кепи плюхнул в воду пустую бутылочку. Девушки выщелкнули за борт фильтры докурных сигарет. «Шарп» источал сладчайшее:

«Феличита, феличита-а!..»

И тут до меня дошло. Они же ничего не знают! Они все еще ничего не знают! Никто из них даже не догадывается, что в этих зеленоватых волнах, в каких-нибудь ста метрах от берега, произошла самая смертоносная из всех морских катастроф, какие случались когда-либо в нашем Отечестве.

Автограф смерти, или Время черных фуражек

29 октября 1955 года в 01 час 30 минут 46 секунд самописцы Крымской сейсмостанции прочертили на ленте неровные всплески. Чуткие приборы зафиксировали сотрясение почвы в районе Севастополя. Дежурный по станции решил, что это обычный подземный толчок. Откуда ему было знать, что на ленте остался автограф смерти, что эта нервная зубчатка – последняя кардиограмма двухсот остановившихся сердец, что на внутреннем рейде Севастополя под килем флагманского корабля Черноморского флота линкора «Новороссийск» рванул неимоверной силы взрыв, насквозь пробивший восемь палуб – из них три бронированные? Огненный смерч прорвался через многоэтажные кубрики – в каждом в три яруса спали в подвесных койках матросы, – выхлестнул из стального кратера, разворотил верхнюю палубу от борта до борта и взлетел на высоту фок-мачты.

Часовой у гюйсштока (он стоял на самом кончике линкоровского носа) был подхвачен вихрем взрыва и выброшен далеко в море. По счастью, он остался жив.

Сквозь гигантскую пробоину в носу (потом подсчитают ее площадь и ахнут – полтора квадратные метра) в корпус линкора, бурля и клопоча, ринулась холодная осенняя вода, густевшая от ила и матросской крови. На «Новороссийске» сыграли боевую тревогу. Сначала ударили в рынду, потом, когда запустили аварийные дизель-генераторы, затрезвонили колокола громкого боя. Немного спустя по кораблю объявили аварийную тревогу.

* * *

Я держу в руках обрывок ленты с сейсмозаписью взрыва. Кто-то ее сохранил и принес в редакцию газеты «Слава Севастополя». Я всматриваюсь в пляску линий, будто по ней можно разгадать тайну взрыва, будто вот-вот, еще мгновение, и тесно сжатые пружины отметок развернутся в слова, и тогда я прочту всю страшную скорбную и героическую хронику той последней ночи погибшего линкора. Нет, на ленте только то, что начертали бесстрастные самописцы взрыв. Дописать все остальное предстоит моему перу. Смогу ли, сумею? Не уведет ли подлая привычка в сторону от сути, скругляя углы и смягчая жестокую правду? Не толкнет ли под локоть в самый ответственный миг внутренний цензор, трусливо затаившийся в потемках души?

Боже, сколько же глаз будет следить за моим пером – взыскующих, сочувствующих, ненавидящих, умоляющих, требующих... Ведь все это было так недавно, и тысячи людей, переживших «Новороссийск», будут судить мои строки неподкупным судом совести.

Я с надеждой глядываюсь в косокрышие домики Аполлоновки, прилепившиеся к старинному акведуку. Там, там живет человек, с которого я начну эту трудную повесть, у которого попрошу займы толику его великого мужества. Иван Иванович Кичкарюк, бывший сельский кузнец, старшина 2-й статьи в инвалидной отставке, некогда вертикальный наводчик зенитного автомата на линкоре «Новороссийск», ныне аполлоновский рыбак. Избранник судьбы, он единственный, кто остался в живых, из сотен попавших в сердцевину сверхмощного взрыва. Огненный вулкан выбросил его, спящего, вместе с койкой и куском палубы далеко в море...

Аполлоновка – кусочек Неаполя или Ливорно, вкрапленный в тело Севастополя. Амфитеатр красночерепичных беленых рыбацких лачуг пересекает массивная аркада древнего водовода, сложенного отнюдь не рабами Рима, а матросами адмирала Лазарева, дабы шла питьевая вода в морской госпиталь, расположенный на берегу бухты. Люди здесь живут простые – рыбаки, яличники, фуражечники, водолазы, боцманы, рабочие Морзавода. Народ по-южному горячий, отчего Аполлоновка издавна снискала себе славу слободы удалой, бесшабашной, чуть ли не разбойной.

Я с ужасом посмотрел, как аполлоновские мальчишки ныряют под винты отходящего катера – такой у них тут жутковатый спорт, – и отправился на поиски дома Кичкарюка. По счастью, хозяин случился поблизости – подкрашивал на шлюпочном причале железный трап. Доброе усталое лицо, крепкая ладонь с обрубками пальцев. Армейские шаровары, заправленные в сапоги, тельняшка. Прихрамывая, Иван Иванович повел меня к себе. Мы взобрались на железнодорожную насыпь, прошли по путям шагов полтора, пролезли в пролом госпитальной стены и вскоре оказались в небольшом домике, затерявшемся в колючих зарослях у самой железной дороги. Половина домика была отведена под госпитальный склад; в другой половине и квартировал бывший старшина со своей семьей...

В тот предвыходной октябрьский вечер старшина 2-й статьи Иван Кичкарюк сошел на берег, в свое, сам того не зная, последнее увольнение. Сошел с дружкой Иваном Рязановым, старшиной из службы снабжения. И тот не чуял последнего часа. (Как уйдет он по боевой тревоге в свой склад, так и найдут его там водолазы...)

В конце октября осень в Севастополе только начинает пробовать свои краски: чуть мазнет охрой по кронам каштанов, да почернеет и без того черная, переспелая ягода-ежевика. Есть еще одна верная примета: флотский люд поменяет белеверхи бескозырки на черные. Октябрь – время черных фуражек на флоте...

За пять лет срочной службы Иван Кичкарюк так и не сыскал себе подругу в Севастополе. Не то чтоб девчат не было – немало их приехало заново отстраивать город. Не то чтоб фигурой не вышел – стати бывшему кузнецу не занимать было. А вот сколько танцплощадок обошел – и на Историческом бульваре, и на Матросском, и на Корабельной стороне, – а ни одна из девушек так и не приглянулась. На линкор вернулись с последним баркасом, в первом часу ночи. Покурили на баке, проверили дневальных: старослужащие блюли порядок на корабле не по долгу – по совести. Жил Иван в первом кубрике. Койки-гамаки висели здесь в три яруса. На самых верхних спали молодые матросы, на нижних – те, кто служил по пятому году. Койка Кичкарюка висела в среднем ярусе. В нее он и забрался. Уснул быстро под привычный хор храпунов...

Проснуться, точнее, очнуться, ему довелось спустя неделю. Смерч взрыва выбросил его вместе с койкой, вместе со стальным куском палубы в море. В рубашке появился на свет Иван Кичкарюк, в тельняшке родился заново, когда в первородной слепоте, немоте и беспамятстве вынырнул из глубины ночного моря. У него было переломлено левое плечо, раздроблен локоть, оторваны пальцы на правой руке. Череп походил на растрескавшуюся скорлупу придавленного яйца. Оглушенный, контуженный, глаза и уши забиты илом, Иван не видел и не слышал, как к нему подошла спасательная шлюпка. Он даже не почувствовал, как его вытащили из воды... Был в полном беспамятстве. И барахтался, выгребая одной правой, лишь повинаясь неугасшему инстинкту жизни. В сознание пришел на шестой день – попросил пить, медсестра подала ему чашку, отпил несколько глотков и снова свалился без чувств. В это минутное прояснение он все же успел запомнить лицо девушки. Ему показалось, да он и сейчас считает, что она и есть его главная спасительница.

Медицинская сестра Мария Петровна Бондаренко:

– Взрыв я слышала сквозь сон. Но Севастополь взрывами не удивишь: то учения, то салют, то еще что... Утром иду на работу, смотрю: госпиталь, Апполоновка – все оцеплено солдатами с винтовками. Накануне в Севастополь приезжал бирманский президент... Ну, может, к нам пожаловал? Матросы в трусах по двору бегают. Опять удивляюсь – может, на рентген привели? Но почему в такую рань?... Глянула в море, а там... Будто огромный кит в бухту заплыл: длинная широкая туша... Пригляделась, а то не кит – корабль перевернутый. Линкор «Новороссийск». У меня сердце так и заныло... Прихожу в отделение – палаты полным-полнехоньки: по два-три матроса на койке...

Для медсестры Маши Бондаренко искалеченный старшина был одним из многих раненых, доставленных с линкора «Новороссийск». Раненые выздоравливали, выписывались, а этот лежал пластом месяц, другой, третий... Его переворачивали на простыне, кормили с ложечки... Он ей улыбался, он бодрился, шутил, а весной, когда встал на ноги и врачи разрешили ему недолгие прогулки во дворе, насобирал букет маков и принес ей в дежурку...

Маша была старше его на пять лет. У нее был жених – рослый и крепкий матрос с подводной лодки. Она сама выбрала свою судьбу: стала женой искалеченного парня с «Новороссийска». И хотя Ивана Кичкарюка выписали на девятый месяц лечения, он нуждался в серьезном уходе. Мучили его сильные головные боли, слышал с трудом: в среднее ухо попал ил... Маша, Марья Петровна, растирала его всяческими снадобьями, разрабатывала левую руку, добывала лекарства, обивала пороги медицинских светил... В давние времена ее старания – каждодневные, из года в год! – назвали бы подвигом любви и милосердия. А для нее, слышавшей громкие слова лишь по радио да с трибуны профсоюзных собраний, то была обыденная жизнь, которая и по сию пору такой остается...

Когда-то бывший сельский кузнец Иван Кичкарюк подковывал самых норовистых лошадей, отбивал косы, выделывал шкворни, болты, скобы... Теперь же его десница молотка ударжать не могла. Кому он нужен такой в деревне? Не захотел возвращаться домой инвалидом. Остался при госпитале, нашлась ему в подсобном хозяйстве работенка – что-то вроде плотничкой: вешалку прибить, тумбочку починить...

Пенсию ему положили 260 тогдашних рублей, то есть 26 нынешних (к 1988 г. – *Н. Ч.*). Однако начальник горсобеса товарищ Громов, узнав, что Кичкарюк работает в госпитале, урезал и без того невеликую сумму вполовину – 13 рублей. Но и это казалось Громову разбазариванием государственных средств. Каждый год вызывал бывшего старшину во ВТЭК на переосвидетельствование. Добился-таки своего: перестал Кичкарюк пенсию получать. «Ты большие деньги в госпитале огребаешь!» – попрекнул «вымогателя» товарищ Громов. Пришел Иван домой и сказал: «Всё. Больше никуда ходить не буду. Не выдержу, ударю кого – посадят».

Было от чего прийти в отчаяние: из госпиталя Кичкарюк выжил новый завхоз, которому нужен был полноценный плотник. Подыскал Иван Иванович новую работу, а там не берут: плохо слышит. И остался он без зарплаты и без пенсии. И это в такой-то год, когда в семье прибыло – родила Маша девчушку. Тамарой назвали. Махнул рукой Иван на свои недуги и нанялся боцман на портовый водолазный бот. А жена, Мария Петровна, рук не опустила, в одиночку повела войну с начальником горсобеса товарищем Громовым, который целых два года экономил на беспалом старшине государственные средства. Справка об «увечьях, полученных при прохождении воинской службы» – ох, с каким трудом выхлопотала ее Мария Петровна! – исчезла в бумажных недрах горсобеса.

– Куда ни напишу, все в собес возвращается. Товарищ Громов говорит: «Хоть вагон бумаги испиши, все равно мы будем решать». Так два года решал... Пошла я к депутату... Опять мои бумаги к Громову вернулись. Тогда взяла и написала министру обороны товарищу Малиновскому. Тут закрутилось колесо. Горздравотдел занялся. В общем, восстановили: тринадцать рублей в месяц стали приходиться... Все-таки облегчение. Жили мы в казенном домике при госпитале...

Как жили, жаловаться она не стала. Тут и так все видно, стоит только окинуть глазом неказистое строение под железнодорожной насыпью, не на улице даже – на Госпитальном спуске. Во второй половине их жилья – продсклад, поэтому всякая подпольная живность нередко объявляется и на кухне Марии Петровны. Дочь моряка, жена моряка, она давно привыкла ко всяким житейским неудобствам. Вот только за Ивана обида брала: кровь пролил, здоровья лишился, кругом прав, а постоять за себя не может. Впрочем, за себя, а порой и за других, стоял он в ходовой рубке. Бывало, шторм, качка валили всех с ног, и тогда хромой и беспалый старшина с «Новороссийска» по многу часов кряду не отходил от штурвала. А на

буксире «Дмитрий Донской» в штормовом переходе из Одессы в Севастополь и вовсе больным – с температурой под сорок – нес рулевую вахту.

Нет у Ивана Кичкарюка ни наград, ни регалий. Один только значок с силуэтом линкора «Новороссийск» под военно-морским флагом с траурной лентой. Раз в году – в последнее воскресенье октября – прикалывает он его к пиджаку и приходит на Приморский бульвар, туда, где собираются уцелевшие товарищи по экипажу линкора. Здесь-то я и познакомился с Иваном Ивановичем. Потом вместе шли на «морском трамвайчике» к достопамятной якорной бочке, бросали цветы в непроглядную воду бухты. Там, в многометровом слое ила, огромной железной занозой торчала срезанная водолазами фок-мачта «Новороссийска». Ее не удалось вытянуть из грунта, она ушла слишком глубоко. В задраенных рубках, словно в стальных склепах, лежат кости моряков, не покинувших боевые посты. Мы проходили над подводной братской могилой, последним, что оставалось от поднятого, разрезанного на лом, бесследно исчезнувшего в мартенах «Запорожстали» корабля.

Цветы качались, кружились в быстрых воронках кильватерной струи.

Иван Иванович, глотая слезы, бросал в воду георгины за георгином. И контр-адмирал Карл Иванович Жилин бросал, и старшина 1-й статьи в отставке Леонид Иосифович Бакши, и бывший замполит Григорий Моисеевич Шестак, и вдова офицера из БЧ-5 – Ольга Васильевна Матусевич, и еще многие бывшие офицеры, мичманы, старшины и матросы «Новороссийска». Теплоходик «Омега», не сбавляя хода и не приспуская, как положено в таких случаях, флага, поспешно, будто чураясь горя этих людей, понесся на Северную сторону, где маячила пирамидальная часовня Братского кладбища. Потом мы долго, растянувшись на добрую версту, поднимались в гору, шли мимо старинных саркофагов героев первой обороны, пока не взобрались почти к самой часовне, а оттуда по заросшей, неприметной тропе взойшли наконец к подножию мемориала «новороссийцам», к стопам Скорбящего Матроса. Сгрудились, постояли с фуражками и шляпами в руках, сказали, кто хотел, короткие речи, а потом отошли в сторону, к часовне, и там, на забытых реставраторами лесах, разложили прихваченную из дома снедь. Помянули.

Мне бы тогда заприметить Ивана Ивановича, расспросить... Но держался он в тени, а рассказчиков – бойких, ярких, памятливых – было вокруг столько, что я порой терялся: кого слушать... На другой день, коротая время перед поездом, я заглянул в Аполлоновку к знакомому фуражечнику и вдруг увидел на шлюпочном причале Кичкарюка. Во дворе Кичкарюков стояла детская коляска с семимесячным внуком.

– Вот еще один моряк, – счастливо улыбнулся дед, взяв мальчика на руки. – Дочь вышла замуж за капитан-лейтенанта. Оба на Курилах служат. И дочь тоже. В матросском звании – на военной почте. Ну а мальчонку врачи не велели на острове держать. Климат не тот... Вот пока с нами живет. Бабка за нами смотрит – что за внуком, что за дедом. Обоих пестует. Нам без нее – пропасть.

Пока Мария Петровна собирала на скорую руку стол, пока грелся чайник, рассматривали – вот уж не скучное занятие – семейные фотографии. Бравый боцман с броненосца «Орел» – отец Марии Петровны. Пережил Цусимский бой, японский плен, Гражданскую войну. Умер в сороковом... Вот линкор «Новороссийск», озорной матрос, забравшийся в тринадцатидюймовый ствол главного калибра и выглядывающий оттуда, чтобы показать, какие жерла у орудий линкора. Вот дочь Тамара в розовом свадебном платье, рядом стройный офицер в парадной морской форме...

В 1981 году Ивану Ивановичу Кичкарюку выдали удостоверение инвалида Великой Отечественной войны. Можно было бы порадоваться за него, если бы не омрачала радость одна мысль: четверть века понадобилось для того, чтобы справедливость восторжествовала. Жаль, что товарищ Громов, воитель горсобеса, не слышал об этом факте: ушел на заслуженный отдых.

А почему бы и не заслуженный? Только за борьбу с Кичкарюком его заслужил – сколько сил ей отдал! Кто-кто, а уж он, наверное, не знал никаких проблем с оформлением пенсии...

С инвалидским удостоверением Иван Иванович ходил недолго. В одесском трамвае вытащили у него бумажник со всеми документами. Паспорт, правда, прислали по почте... И на том спасибо. Эх, знал бы тот ворюга, чьими льготами он собирался пользоваться!

Выдали Кичкарюку дубликат. Красная книжечка пришлась как нельзя кстати. С ее помощью дед Иван трижды летал на далекий курильский остров к дочери – помочь молодым обжиться на новом месте. А место ого-го какое – добраться или выбраться на островок можно лишь пограничным катером, да и тот через узенький, но бурный проливчик два часа выгребает. Жизнь тут лихая – то штормы по месяцу, то землетрясения, то цунами... Тамара не жалуется, как-никак внучка моряка, дочь моряка, жена моряка, да и сама – морячка. А это, как поется в песне, что-нибудь да значит.

Это неверно, что все счастливые семьи похожи друг на друга. У семьи Кичкарюков – свое счастье, ни на чье не похожее, выстраданное, выхоженное, трудное... И все-таки счастье. Вот попробуй тут не скажи – судьба. Огненный столп взрыва, искалечивший, но пощадивший матроса, будто повелел ему – живи здесь, подле страшного места, тут найдешь себе и суженую, и кров, и дело, и все, чем счастлив человек. Живи и помни. Иван Кичкарюк живет и помнит.

Автографы смерти, знаки той давней беды, остались на ленте сейсмографа, на искалеченном теле Ивана Кичкарюка, на судьбах сотен, тысяч людей...

«Мы думали, началась война!»

В тот день – пятницу 28 октября 1955 года – линкор «Новороссийск» выходил в море в последний раз... Выходил на отработку учебных задач.

Командир дивизиона противоминного калибра капитан-лейтенант Я.И. Либерман:

– Мы вышли в восемь часов утра. Шли в морской полигон, где моему 2-му дивизиону предстояло выполнить стрельбу № 13: стрельба в аварийной ситуации, то есть в условиях крена, пожара, выбывших из строя комендоров и тому подобное.

Меня аттестовывали на должность помощника командира линкора (тогдашний – капитан 2-го ранга Сербулов – собирался уходить после ноябрьских праздников в запас). Когда-то я завалил эту стрельбу. Теперь предстояло отдать должок... Отстрелялись мы хорошо.

Командир дивизиона главного калибра капитан-лейтенант В.В. Марченко:

– После стрельбы мы определяли свою скорость на мерной миле. На все про все у нас ушло десять часов, и к 18.00 мы вернулись в базу. Я стоял на мостике вахтенным офицером. «Новороссийск» ложился на Инкерманские створы, когда с крейсера «Дзержинский», где находился штаб эскадры, мы получили семафор: «Вам встать на якорную бочку № 3».

Наша штатная бочка № 12 находилась близ бухты Голландия. На 3-й же всегда стоял линкор «Севастополь». Но с «Дзержинского» к нам на борт должен был перейти штаб эскадры, поэтому нас поставили поближе к крейсеру, то есть на траверзе Морского госпиталя.

Командир 6-й батареи противоминного калибра старший лейтенант (ныне контр-адмирал запаса) К.И. Жилин:

– Наш командир – капитан 1-го ранга Кухта – находился в отпуске, и линкором командовал старший помощник, допущенный к самостоятельному управлению кораблем, капитан 2-го ранга Хуршудов. Разумеется, опыта у него было поменьше, поэтому линкор из-за не погашенной вовремя инерции слегка проскочил бочку, пропахав левым якорем грунт. Так или иначе, но мы стали на якорную бочку № 3. С кормы же завели трос на другую бочку, чтобы ветром нас не развернуло поперек бухты.

Была пятница. Начали увольнять на берег офицеров, сверхсрочников, матросов. Кое-кому выпал «сквозняк», то есть сход с корабля на два дня – до понедельника. Сошел на берег мой сосед по каюте Женя Поторочин, старший лейтенант, командир группы управления. У него был день рождения. Я же заступил дежурным по низам. На стоянке, согласно Корабельному уставу, назначается дежурный по низам, который отвечает за порядок в подпалубных помещениях, за выполнение правил внутреннего распорядка и прочее. На верхней палубе хозяин – вахтенный офицер, я же властвую в низах, оба мы подчиняемся дежурному по кораблю. В ту ночь им был старший штурман капитан 3-го ранга Никитенко. Развод суточного наряда начался, как положено, под оркестр: вахта, караул, артдозоры, дежурные по боевым частям и службам. К концу развода подошел Никитенко и принял, как говорится, бразды правления.

Командир дивизиона главного калибра капитан-лейтенант В.В. Марченко:

– Едва мы стали на бочку, как началось увольнение личного состава на берег. Офицер, которому я должен был передать повязку дежурного по кораблю, прыгнул в баркас и был таков. Проявил, так сказать, расторопность. После ходовой вахты мне совсем не улыбалось засту-

пать в дежурство, тем более, что я оставался за командира всей нашей боевой артиллерийской части...

Командир дивизиона противоминного калибра капитан-лейтенант Я.И. Либерман:

– Тут нужно внести уточнение. Этим «расторопным» офицером был я. Дело в том, что меня отпустили на занятия в университет марксизма-ленинизма. Был строгий приказ командующего эскадрой, запрещающий пропускать занятия без уважительной причины, и я получил разрешение от помощника командира.

Капитан-лейтенант В.В. Марченко:

– Обязанности командира корабля исполнял старший помощник капитан 2-го ранга Хуршудов. Но он тоже убыл на берег, передав всю полноту власти помощнику командира капитану 2-го ранга Сербулову. Зосима Григорьевич – душа-человек, из старых моряков, прекрасно знал корабельную службу. «Не горюй, – говорит, – кого-нибудь найдем». Нашли старшего штурмана Никитенко. Тот что-то задержался у себя в рубке, не успел карты сдать... В общем, он и заступил. Я же попросил дежурного по БЧ-5 (электромеханическая боевая часть) дать на офицерскую душевую горячую воду и пар. Помылся. Сербулов пригласил меня на чай. Вечерний чай по кораблю в 21 час. Значит, это было уже между девятью и десятью часами вечера, когда в кают-компанию заглянул Никитенко и доложил Сербулову, что северо-западный ветер усиливается, и попросил «добро» отдать левый якорь. Сербулов разрешил, и левый якорь ушел в воду... Скорее всего, именно он и вызвал сотрясение старой мины. Но кто это мог предположить тогда?!

В полночь прибыли баркасы с вернувшимися из увольнения матросами. Прибыли все – без замечаний. И я отправился к себе – в 20-ю каюту по левому борту на броневой палубе, рядом с трапом во вторую орудийную башню...

Командир отделения артэлектриков старшина 1-й статьи Л.И. Бакши:

– В увольнение на берег я записываться не стал, хотя и была моя очередь. К тому же я, коренной севастополец, мог переночевать на берегу. Все удивились – как же так? Но у меня был свой расчет. 30 октября – день моего рождения, и потому я договорился с командиром группы управления старшим лейтенантом Захарчуком, что он уволит меня 29 октября на «сквозную», то есть до понедельника. 1 ноября я должен был прибыть на корабль к началу утренней приборки. Все шло своим чередом. В 24 часа я встретил прибывших с берега наших матросов, так как замещал старшину команды. Ребята прибыли без замечаний. Я покурил на баке, потравил с «корешами» за жизнь и где-то за полночь отправился в наш 1-й кубрик, где жили комендоры. Он находился в носу над жилой палубой – под броней. Забрался в свою койку – под барбетом первой башни – и уснул...

Машинист матрос Н.М. Березняк:

– После возвращения линкора в базу командование объявило всему экипажу благодарность за отлично проведенные стрельбы. С чувством гордости и в приподнятом настроении матросы, старшины, офицеры продолжали свои повседневные дела согласно обычному распорядку: одни ушли в увольнение на берег, другие стирали рубы, писали письма домой, пели песни. Очень хорошо играли на баянах братья Полищуки и Калинин.

Однако письма на берег уйти не успели... Никто из нас не подозревал, что через час-другой мы навсегда расстанемся с линкором, а кто-то навечно и с жизнью.

Начальник медицинской службы Черноморского флота генерал-майор медицинской службы в отставке Н.В. Квасненко:

– В тот вечер я был приглашен на квартиру командующего Черноморским флотом вице-адмирала Виктора Александровича Пархоменко. Это было буквально за несколько часов до взрыва. Я приехал вместе с врачом-специалистом. Наш пациент чувствовал себя очень плохо: сильный жар – температура за 39 градусов, систолическое давление – под двести. Мы договорились, что завтра на службу комфлота не пойдет. С тем и уехали. Я вернулся к себе домой – на Большую Морскую. Было душно, открыл балконную дверь. Лег спать поздно...

Старший лейтенант К.И. Жилин:

– Ночью дежурный по низам, согласно Корабельному уставу, имеет право отдыхать, чередуясь с дежурным по кораблю. При этом ни тот ни другой не должны раздеваться. Мне выпал отдых с полуночи до двух часов ночи, и я отправился в каюту. Наша офицерская трехместка находилась в носу на броневой палубе за 50-й переборкой. Мой сосед, лейтенант Толя Гудзикович, командир 5-й батареи, уже спал. Койка Жени Поторочина пустовала – он праздновал день рождения на берегу... Я снял ботинки, накрылся кителем, положил фуражку рядом... Только задремал – вернулся с берега Женя Поторочин. Последний баркас отходил от Минной стенки в 24.00 – значит, было где-то половина первого. До взрыва оставался час... Женя был в приподнятом настроении: невеста подарила ему картину – обезьяны в джунглях. Он все тормозил меня, хотел, чтобы я оценил подарок. Я отмахивался: «Да отстань ты, мне через час вставать!» Наконец он улегся. Я задремал...

В углу каюты стояла связка реек. Кровати у нас были деревянные, итальянские, вместо пружин – тонкие доски. Когда к нам приходили друзья-товарищи и рассаживались по нижним кроватям, доски порой ломались. На заводе в ремонте мы настрогали этих досочек про запас. Так вот, я проснулся от грохота, с каким вся связка рухнула на палубу каюты...

Помощник вахтенного офицера на баке старшина команды минеров мичман Н.С. Дунько:

– Я был во второй, «сидячей», смене и потому заступил в ночь помощником вахтенного офицера на баке. В мои обязанности входило следить за порядком на носовой части верхней палубы – от гюйсштока до второй башни. Ничто не предвещало беды. Бельевые леера с сохнувшим матросским платьем придавали кораблю особенно мирный вид.

Во втором часу ночи я еще раз прошелся по баку, постоял у второй башни со старшинами – они курили у обреза. Сам-то я не курец, табачный дым и на дух не выношу – занимался тогда спортом, был чемпионом Черноморского флота по плаванию.

Потом отправился будить своего сменщика, а по дороге завернул в старшинский галюн.

Кого где взрыв застал. А меня – неловко и рассказывать – в галюне. Только присел, как тряханет, грохот, в иллюминаторе пламя... Взрыв прошил бак метрах в десяти от меня – через маленький тамбур переборка 1-го кубрика. Вот там-то и разворотило все. Меня же лишь ударило, оглушило... Запах тротила узнал сразу. Минер все же... Выскочил на палубу. А там, как кратер вулкана, дымится все, крики... Лохмы железа завернуты аж на стволы первой башни. Вокруг все в иле. В иле куски тел... Кто-то еще дергался.

Бросился к вахтенному офицеру, как положено, с докладом. А он навстречу летит: «Боевая тревога!»

Старшина 1-й статьи Л.И. Бакши:

– Огненный выброс взрыва прошел через наш кубрик. Меня вышвырнуло из койки и ударило о переборку.

Капитан-лейтенант В.В. Марченко:

– Грохот... Рев опадающей воды... Столб воды и ила рухнул на палубу возле первой башни. Вскочил. Темно. Первая мысль: рванула бензоцистерна в районе шпилей. Там хранился бензин для корабельных катеров...

ВРИО командующего Черноморским флотом вице-адмирал В.А. Пархоменко:

– Я проснулся от приглушенного взрыва. Первая мысль: Что случилось? Где случилось? Привстал с постели и посмотрел телефон. Ну же!... Эхо любого ЧП – телефонный звонок...

Адъютант командира линкора мичман И.М. Анжеуров:

– Проснулся от сильного толчка и крика из кубрика старшин: «Будите мичманов! Бомбой нос оторвало!»

Какой бомбой?! Война?! Второпях надел разные ботинки и вбежал в коридор...

Генерал-майор медслужбы Н.В. Квасненко:

– Меня разбудил звук взрыва. Он ворвался через открытую дверь балкона...

Инженер-капитан 1-го ранга С.Г. Бабенко:

– В три часа ночи затрезвонил телефон... Вечером оперативный дежурный пошутил мне вслед: «Разбужу тебя в три ночи». Ну, думаю, шутничок, черти тебя дери! Снимаю трубку. Точно – он. Но голос встревоженный:

– Срочно прибыть на линкор «Новороссийск»!

– Что случилось?

Оперативный дежурный чуть помедлил, видимо не доверяя городскому телефону, но все же сказал:

– Сильный взрыв в носовой части...

Старший лейтенант К.И. Жилин:

– Во время войны в Туапсе взрывом авиабомбы меня завалило в укрытии. На всю жизнь запомнил запах сгоревшего тротила. Едва я втянул в себя каютный воздух, как сразу почувал знакомую гарь. Самого взрыва я не услышал, только грохот упавших реек, а вот носом, чутьем понял – случилось что-то страшное... Наверное, артодозор что-то нарушил! Сейчас рванет, расплющит о броню... На секунду зажмурился...

Капитан-лейтенант В.В. Марченко:

– Я настолько был уверен, что у нас в погребах все нормально, что первое, о чем подумал, – бензоцистерна. Она взорвалась... Однако для бензина взрыв слишком сильный. Бросился в первую башню. Она ближе всех к месту взрыва и потому вся была облеплена илом. Прямо перед дульными срезами орудий – кратер развороченной палубы, шпили – на сторону...

Решил осмотреть погреба и башни носовой группы. Вызвал старшину команды подачи 1-й башни Захарова и дежурного по башне, спустился с ними на броневую палубу к люкам снарядного и зарядного погребов. Люки были целы, но вода уже переливалась через комингс и затопила их крышки. Открывать нельзя. Тогда мы взбежали на верхнюю палубу и влезли в башню, спустились в перегрузочные отделения-«этажи» и через специальные жаропрочные иллюминаторы заглянули в погреба. Там горело аварийное освещение, и мы увидели, что снаряды и заряды – слава Богу! – спокойно лежат в стеллажах, в погребах чисто и сухо. Надо ли говорить, какой камень отвалил от сердца?..

...Почему я так подробно об этом говорю? Да потому, что первое, что всем приходило в голову, – взрыв боезапаса. Накануне мы выгружали часть боекомплекта, и потому у всех,

наверное, осела в памяти опасность этой работы. Тем более что взрывчатые вещества в снарядах были старые, еще итальянские... Тут и аналогия с «Императрицей Марией» сработала (там ведь именно погреба рванули). В общем, так начальству и доложили, так и в Москву пошло, так и Хрущеву сообщили... Тот распорядился: «Виновных – под суд!»

Самое страшное на флоте – это передоклад. Начальство не любит, когда подчиненные берут свои слова обратно: «Ах, извините, мы ошиблись!» Короче говоря, меня «назначили» виновником взрыва, и следователи – это были еще те ребята, не забывайте, после смерти Сталина не прошло и трех лет – повели дело к взрыву погребов...

Положение Марченко было преотчаянным: из огня взрыва он попал в полымя допросов. Ему не верили, его не хотели слушать, ему подсовывали протоколы с его переименованными показаниями. Марченко их не подписывал. В десятый, а может, в сотый раз его спрашивали:

«Как вы могли допустить взрыв боезапаса?» – «Боезапас цел!» – «Ну, это еще надо доказать...»

Доказать это можно было, лишь подняв корабль. На подъем должно было уйти не меньше года. Следователи не могли столько ждать. Виновник сидел перед ними. Да и что могло так взорваться, как не артпогреба главного калибра?!

Капитан-лейтенант В.В. Марченко:

– Мне пришлось побывать почти во всех подкомиссиях, образованных по версиям взрыва (боезапас, диверсия, мина, торпеда...). В каждой из них беседу со мной начинали с одного и того же предложения: «Расскажите о причине взрыва боезапаса главного калибра». И каждый раз приходилось рассказывать и доказывать, что с боезапасом все в порядке. На мое счастье (да и на свое, конечно, тоже), остались в живых старшины башен, с которыми я осматривал погреба. Однако нам не хотели верить. Опрокинутый корабль скрылся под водой, признаков наружного взрыва еще не обнаружили. Меня просто убивало это упорное желание доказать недоказуемое – взрыв боезапаса.

Вскоре меня доставили на заседание Правительственной комиссии. Я сидел на стуле посреди большой комнаты. Кажется, это был кабинет командующего флотом... Председатель Правительственной комиссии по расследованию причин гибели линкора зампредсовмина СССР генерал-полковник В.А. Малышев начал разговор таким образом:

– Мне доложили председатели подкомиссий, что вы упорно отрицаете взрыв боезапаса главного калибра. Расскажите, на основании каких фактов вы это отрицаете...

Я рассказал все, что видел, и все, что делал в ту страшную ночь. Рассказал, как со старшинами башен обследовал погреба... Вижу по лицам – не верят... Вдруг на подоконнике зазвонил полевой телефон. Трубку снял Малышев.

– Что? Воронка? Радиус четырнадцать метров? Листы обшивки загнуты внутрь?...

Это звонили водолазные специалисты. Они обследовали грунт в районе якорной бочки и пришли к бесспорному выводу – взрыв был внешний...

Малышев подошел ко мне и пожал руку: «От имени правительства СССР выношу вам благодарность за грамотные действия!» – «Служу Советскому Союзу!»

Лечу вниз по лестнице как на крыльях. У выхода меня поджидал капитан-лейтенант, который на машине доставил меня из учебного отряда в штаб флота. Я думал, что теперь он отвезет меня обратно, сел с легким сердцем, но машина остановилась у здания особого отдела флота. Поднялись. Следователь по особо важным делам – подполковник – кладет передо мной лист бумаги: «Напишите, как вы могли допустить взрыв боезапаса... Взорвался – не взорвался, Никите Сергеевичу уже доложено... Ваше дело – сознаться».

И хотя мне уже было объявлена высокая благодарность, я вдруг почувствовал, что пол уходит из-под ног. В который раз стал рассказывать, где был и что видел... Стенографистка исправно строчила за мной, но, когда приносили отпечатанный на машинке текст, я обнару-

живал в нем такие фразы, какие не говорил, да и не мог говорить... Вдруг на столе следователя зазвонил телефон. Выслушав сообщение, подполковник положил трубку.

– Да, вы правы, – произнес он. – Боезапас здесь ни при чем...

Однако отпускать меня он не спешил. Стал расспрашивать о поведении моряков на корабле и в воде. Потом рассказал о ходе следствия по другим версиям... Теперь передо мной сидел совсем другой человек – обаятельный, остроумный, наблюдательный...

«Спокойно, ребятки, спокойно!...»

В половине второго ночи линкор «Новороссийск» вздрогнул от подводного удара. Взрыв сверхмощной силы пробил восемь палуб – из них три броневые – и огненным форсом взметнулся перед дульными срезами первой – трехорудийной – башни главного калибра...

Об этом больно писать... Взрыв пришелся на самую людную часть корабля: на кубрики, где спали матросы электротехнического дивизиона, боцманской команды, музыканты, артиллеристы, а также только что прибывшие новички...

Командир артиллерийской боевой части линкора «Новороссийск» капитан 3-го ранга (ныне капитан 1-го ранга в отставке) Ф.И. Тресковский:

– Как нарочно, за сутки до взрыва на корабль прибыло пополнение – двести человек. Это были бывшие солдаты из Киевского военного округа, их перевели к нам в связи с переходом армии и флота на более короткие сроки службы (армия – три года, флот – четыре). Многие из них были еще в армейских сапогах. Конечно, корабля они не знали и сразу же попали в такую переделку, из которой и бывалому моряку непросто выйти...

Мы накормили их ужином, хотя у них и продаттестатов еще не было. Сербулов, помощник, добрая душа, сумел всех накормить... Для многих этот ужин оказался последним. На ночь новичков разместили в шпильевом помещении, это в носовой части корабля... Как раз именно там и рванул взрыв. Полусолдаты-полуматросы, они были в большинстве кавказскими горцами и плавать не умели...

Старшина 1-й статьи Л.И. Бакши:

– Столб взрыва прошелся через наш кубрик, метрах в трех от моей койки... Когда я очнулся – тьма кромешная, рев воды, крики, – первое, что увидел: лунный свет, лившийся через огромную рваную пробоину, которая, как шахта, уходила вверх...

Я собрал все силы и закричал тем, кто остался в живых:

«Покинуть кубрик!» Посмотрел вверх, увидел сквозь пробоину Сербулова. Помощника. Он стоял над проломом, без фуражки, обхватив голову, и повторял:

– Ребятки, спокойно... Спокойно, ребятки!.. Спокойно!..

Мы его любили, звали между собой «Покрышкин». Когда он появлялся на верхней палубе, кто-нибудь давал знать: «Покрышкин в воздухе!» Помощник был весьма строг по части корабельных правил и, если замечал, что кто-то сидит на крашеном железе, на кнехтах или трапе, шлепал по мягкому месту цепочкой от ключей. Он всегда покручивал ее вокруг пальца... У него это так по-домашнему выходило. Никто на него не обижался. Уважали очень за то, что корабль знал, как никто другой...

Я увидел его возле развороченных шпилей и сразу как-то успокоился. Уже потом, в госпитале, обнаружилось, что у меня изрезаны ладони и пробита черепная кость... А тогда... Из загнувшегося стального листа торчали чья-то голова, плечи... Я хотел помочь выбраться, потянул на себя и... вытащил половину торса.

Всех пострадавших перевели в кубрик № 28-а – он в корме. Мы были голые – с коек. Ночь. Октябрь. Холодно... Я провел переключку и составил список. Тут открылась дверь, и вошел начальник штаба эскадры контр-адмирал Никольский. Он нас подбодрил и велел выдать новые робы из корабельных запасов. Едва мы оделись, как бросились вниз, помогать товарищам, что в низах. Они подпирали брусками переборки. Вода хлестала из всех щелей... Матросы работали споро, но спокойно. Никакой паники. Нам сказали, что мы здесь не нужны, – там были только расписанные по тревоге. Я отправился на свой боевой пост – мостик ПВО. Но что там делать, на верхотуре?! Я и мои дальномерщики Леня Серяков и Саня Боголюбов

спустились вниз и отправились в коридор адмиральского салона, который числился за нами как объект приборки. Может, мне дело найдется?

Старший лейтенант К.И. Жилин:

– Когда я понял, что повторного взрыва не будет, то есть детонации не произойдет, стал тормозить Поторочина: «Женька, вставай!»

Он спал на верхней койке. Не отошел еще от дня рождения, после свидания с невестой.

– Что случилось?

– Взрыв на корабле!

– Какой взрыв?!

– Понюхай!

От запаха тротила он сразу протрезвел. Спрыгнул вниз. Я натянул ботинки на резинках, китель уже набрасывал на ходу... первый трап, второй трап. Верхняя палуба. Темно. Освещение погасло. Огляделся. Перед первой башней – вспученное корявое железо... Зажатый труп... Все забрызгало илом. Бросился на ют – вахтенному офицеру. Якорную вахту стоял замполит из дивизиона движения Витя Лаптев, Герой Советского Союза. Звезду получил в пехоте, за форсирование Днепра. На месте его нет. Бегу снова на нос. Встретил дежурного по кораблю – штурмана Никитенко. Надо объявлять тревогу. Но корабль был еще обесточен. Колокола громкого боя молчали. Отправили по кубрикам прибежавших матросов: «Поднимайте людей!» А сам стал бить в рынду – судовой колокол. Его тревожный звон, словно набат, понесся по всему иду... Тем временем электрики подключили аварийную аккумуляторную батарею, и по всем палубам затрезвонило: «Боевая тревога!» Но большинство матросов и без того уже были на боевых ютах. Я побежал на свою батарею.

Парторг линкора капитан-лейтенант (капитан 1-го ранга в отставке) И. Ходов:

– Я оставался за замполита командира линкора. В час ночи приняли с Сербуловым последний баркас с матросами. Прибыли из увольнения все, без замечания. Отправился спать. Моя каюта на корме – последняя в офицерском коридоре.

Проснулся от сильного толчка – меня выбросило на борт кровати. Звук взрыва ощутился в корме довольно глухо... Свет дали быстро. Оделся и побежал на ГКП (главный командный пункт). Вообще-то, по боевой тревоге я был расписан на ЗКП (запасной командный пункт). Но поскольку я оставался за замполита, то и направился туда, где должен быть зам, – на главный командный пункт. Вскоре поступил первый доклад и из ПЭЖа (поста энергетики живучести): «Взрыв в носу. Разбираемся. Пройти туда трудно». Потом сообщили: «Есть убитые и раненые».

Зосима Григорьевич Сербулов распорядился: «Давай-ка, Володя, организуй баню под прием раненых. Да в нос не ходи. Посмотри...»

На баке увидел тела погибших. Приказал унести их под башню накрыть одеялами.

Во время взрыва на баке – у гюйсштока – стоял часовой. Воздушной волной его выбросило в море. Чудом остался жив. Он сам подплыл к якорь-цепи. Его подняли.

Как партийный работник, скажу со всей ответственностью: люди держались стойко – никто не устрасился вида ран, крови, трупов... Действовали как в бою, хотя молодежь войну видела только в кино.

Взрыв погубил человек двести. Я поручил начальнику клуба заняться отправкой раненых. Благо госпиталь был рядом, а баркасы уже стояли под бортом.

Снова поднялся на главный командный пункт. Дали с Сербуловым радиogramму открытым текстом в штаб флота: «Взрыв в носовой части. Начата борьба за живучесть».

Зосима Григорьевич попросил меня сбегать в пост энергетики и живучести, узнать обстановку на местах. Нырнул под броневую палубу, добрался до ПЭЖа. Там шла нормальная

работа. Командир электротехнического дивизиона Матусевич доложил, что вода, несмотря на принятые меры, продолжает поступать. Рядом находился и командир дивизиона живучести Юра Городецкий. Даже мысли такой не было, что вижу их в последний раз. Правда, дней за десять до взрыва вышел у нас с Городецким такой разговор. «Хорошо, – заметил он, – артиллеристам. Отстрелялись – и к стенке. А мы, механики, – смертники. Нам свой ПЭЖ не оставить, что бы ни случилось».

Пожурил я его тогда за упаднические настроения. А ведь он прав оказался...

Я поднялся наверх, в ГКП. Доклад мой Сербулова особенно не беспокоил. Он вообще был человеком выдержанным, неторопливым, рассудительным. Приказал разводить пары и спустить за борт водолаза для осмотра пробоины. Спустили матроса в легком снаряжении – его сразу же потянуло в пробоину. Опасно! Решили спустить тяжелого водолаза. Тот доложил: «Пробоина такая, что грузовик въедет!» Я отправился в низы, где сдерживали напор воды аварийные партии...

Люди работали рьяно, истово... Работали – не то слово. Они боролись врукопашную с морем, ставили раздвижные упоры, подпирали выгибающиеся от напора переборки деревянными брусками, конопатили двери, перекрывали клинкет, заглушали трубы...

Не помню, сколько прошло времени, кажется не больше часа, когда по громкой трансляции мне передали из ПЭЖа распоряжение Сербулова подняться наверх. На линкор прибыл начальник политуправления флота контр-адмирал Калачев.

Доложил ему обстановку.

– Что у вас тут могло взорваться?

– Ничего. Все погреба в норме.

– Ваши предположения?

– Взрыв забортный, товарищ адмирал... Предположений пока не имею.

Мы спустились с ним в душевую, к раненым. Потом побывали у тех, кто уцелел от взрыва. Вещевик выдавал им новые рубы. Калачев отправился с ранеными на баркасе проводить тех, кого уже переправили в госпиталь. На корабль он больше не вернулся, и это стоило ему карьеры. Его обвинили в трусости, разжаловали. Но я бы не назвал его трусом. Когда он покинул «Новороссийск», линкор еще держался на ровном киле, видимой угрозы для жизни спасавших его людей не было.

Сразу же после съезда Калачева к трапу подошел катер командующего флотом вице-адмирала Пархоменко. Вместе с ним на корабль прибыли член Военного совета вице-адмирал Кулаков, начальник штаба эскадры контр-адмирал Никольский (командир эскадры контр-адмирал Уваров находился в отпуске). Сербулов встречал комфлота, а я докладывал обстановку Кулакову. Тот долго слушать не стал.

– Ладно, веди меня в низы. Разберемся на месте.

Спустились по трапам. Матросы конопатили дверь. Но вода прорывалась снизу. Аварийными работами в кубрике руководил старшина 1-й статьи. Фамилию не помню. Офицер, начальник аварийной партии, был на берегу. Но старшина справлялся за него довольно толково.

На средней палубе матросы задраивали вторую броневую дверь. Кулаков приободрил их: «Молодцы!» Словом, все шло как надо. Мы поднялись наверх. К тому времени на корабль прибыли из города старпом капитан 2-го ранга Хуршудов и штатный наш замполит капитан 2-го ранга Шестак. Я сдал ему обязанности.

Заместитель командира линкора по политчасти капитан 2-го ранга Г.М. Шестак:

– Ночью в городе, у себя дома, я услышал взрыв. Прибежал на Графскую пристань, оттуда катером – на «Новороссийск». Линкор был полностью укомплектован личным составом – 1620

человек. Накануне прибыло пополнение и курсанты из Одесской мореходки. Всего вместе с аварийными партиями соседних крейсеров на «Новороссийске» было более 1900 человек.

Площадь пробоины – уже потом, когда линкор подняли, – определили в 150 квадратных метров. Через эту гигантскую брешь в первые минуты в корпус корабля поступили сотни тонн забортной воды. Все службы на линкоре сработали четко: сразу же выставили семь линий обороны. Правда, постепенно их пришлось сдавать одну за другой. Пока затапливался один отсек, подкрепляли другой. Ни один человек не покинул свой пост без приказа. Сдавали переборки, а не люди. Если на наших отечественных линкорах толщина переборок превышала сантиметр, то итальянцы, стремясь облегчить корабль для увеличения скорости хода, делали их из листов толщиной в несколько миллиметров, то есть раз в пять тоньше. Под напором воды они вспучивались, как фанера, и лопались.

Благодаря героическим усилиям и умелым действиям экипажа «Новороссийска» линкор с такой огромной пробоиной продержался на ровном киле два часа сорок минут...

Мичман И.М. Анжеуров, адъютант командира:

– Едва пришел в себя после взрыва – бросился поднимать своих секретчиков. Хранилище секретных документов – в носу, неподалеку от места взрыва. Еще не успели дать свет, темень... Раздобыл где-то фонарь. Надо спасать документы. Их сотни. Вода уже по щиколотку. Тут дали свет. Я бросился в кубрик радиотехнической службы. Приказал морякам снять наматрасники и таскать в них документы в мою каюту. Вскоре она была завалена почти доверху. Однако спасти все документы мы не успели. Носовая часть линкора быстро погружалась. Там же, в секретной части, остались и схемы непотопляемости корабля, которые были так нужны потом в ПЭЖе...

Старшина 2-й статьи В.В. Скачков:

– До демобилизации мне оставалось всего 21 сутки, а пришел я на линкор в 1951 году.

В тот день мы выходили в море после ремонта подшипников правого гребного вала, а вечером я сошел на берег в увольнение. На корабль вернулся в 0.20. А спустя час рванул взрыв.

Я находился в ленкайте, расположенной на батарейной палубе между барбетами первой и второй башен по правому борту. Удар пришелся в 15–20 метрах от меня. Я тут же выскочил на верхнюю палубу и увидел дымящийся развороченный настил...

В районе взрыва находилась прачечная, которой заведовал старший матрос Алексей Логунов, мой лучший друг. Я бросился туда, но там была вода...

Потом, когда поступила команда построиться на юте, ко мне подошел адъютант командира мичман Анжеуров и велел отдать аккумуляторный фонарь писарям, собирающим документацию в секретной канцелярии. Я передал свой фонарь старшине команды писарей Александру Карпенко, спросил, не нужно ли помочь. От помощи он отказался. Больше я его не видел, так как никто из писарей после опрокидывания не выплыл...

Главный боцман линкора «Новороссийск» мичман Ф.С. Степаненко:

– В ту ночь я бы точно погиб на корабле, останься в своей каюте. Она аккурат в районе взрыва располагалась. Первая от артпогреба. Но заболела старшая дочь. Ей неправильно сделали прививку от полиомиелита. Разбил паралич. Жена ее в больницу повезла, там и на ночь с ней осталась, а мне переслала со старшиной баркаса записку: мол, так вот и так, надо бы с семилетним сынишкой дома посидеть. Отпросился я у своего непосредственного начальника – Зосимы Григорьевича Сербулова – и до хаты. Я тут недалеко – в Ушаковой балке – как жил, так и живу... Да... Ночью пригрелся подле меня сынишка. Разбудил нас взрыв. Что за ЧП? Оделся и бегом в Аполлоновку, на корабль. «Может, война?» На Госпитальной стенке два полураздетых матроса. Оба мокрые.

– В чем дело?

– «Новороссийск» наш взорвался.

– Вы что – пьяные?!

Да сам вижу – трезвее не бывает. Нашел ялик.

– Гребите к линкору!

А уж издали вижу – беда. Нос просел, корма поднялась. Винты видать... Эх!..

Старший лейтенант К.И. Жилин:

– Я собрал личный состав своей батареи и разбил матросов на пятерки. Так удобнее было доставать людей из покореженных взрывом кубриков. Первым делом, конечно, стали выносить раненых: одних отправляли сразу в госпиталь, других относили в баню... Трупы складывали на баке и накрывали их орудийными чехлами, бушлатами...

Потом, когда закончили эту печальную работу, отправил своих в башни – на боевые посты. Но так как меня из дежурных по низам не сменили, то я остался на верхней палубе руководить заводкой буксирного троса. С левого борта носовой части к нам подошел мощный буксир. С него подали трос, и мы завели его за барбет носовой башни. Чтобы буксир смог подтащить нас к берегу, к Госпитальной стенке, надо было обрезать бридель носовой бочки, которая держала линкор на своем мертвом якорю. Но, увы, нос просел слишком глубоко, и обрезать бридель-цепь уже было невозможно. Буксир изо всех сил подтянул «Новороссийск» метров на двадцать, но якоря стащили линкор обратно.

Тогда кто-то скомандовал: «Буксир в кормовую часть!» Я схватил мегафон и бросился на ют. Завели буксирный трос на корму, закрепили за кнехты. Буксир, отчаянно работая винтами, потащил нас к берегу. Но тут же увеличился крен на левый борт. Крен выровняли. Отдали кормовой бридель. Корма пошла вверх, нос просел еще глубже. Буксир яростно взбивал воду винтами. Он уже не мог стащить нос линкора с грунта.

Инженер-капитан 1-го ранга С.Г. Бабенко:

Спросив у оперативного дежурного (чья шутка насчет ночной побудки так злосчастно сбылась), куда он выслал за мной катер, я быстро собрался и бегом кинулся на Графскую пристань. По дороге вспомнил, что командир пятой – электромеханической – боевой части линкора «Новороссийск» Иван Резников сейчас в отпуске и уехал из Севастополя к себе на родину, в Тихорецк.

Катер быстро отошел от причала, подошел к линкору, стоявшему на своих бочках с сильным дифферентом на нос. Носовая часть корабля уходила в воду до якорных клюзов. Было около трех часов ночи, когда катер подвалил к левому рабочему трапу. Поднялся на шкафут и там встретил инженера-механика крейсера «Кутузов» капитана 2-го ранга Мухина. Он прибыл на линкор во главе аварийной партии своего корабля на помощь личному составу линкора. Прошли с ним на бак. Там верхняя палуба до самой второй башни главного калибра была обильно залита илом, а в районе между носовыми шпилями и первой башней зияла громадная пробоина. Здесь же я встретил помощника начальника штаба эскадры капитана 2-го ранга Соловьева и спросил его о глубине под килем. Он по телефону запросил мостик и сообщил мне, что глубина места якорной стоянки 18,2 метра. Возникла мысль срезать якорные цепи и бридель, чтобы освободить от них нос корабля. Соловьев пошел организовывать баркас, а я – автогенный аппарат и газорезчика. Но пока мы добывали газорезку, к бочке уже подошел баркас с крейсера «Молотов», и мы увидели искры от работы автогенного аппарата. Правда, резчику удалось срезать только бридель, якорные же цепи вместе с клюзами уже погрузились в воду... Мы с Мухиным спустились в нижние помещения на батареейной и нижней палубах. Шпилевое отделение, носовые кубрики до 3-го, а на броневой палубе до 15-го кубрика уже были затоплены. У носовых переборок матросы крепили аварийный лес. Работали они дружно, слаженно. Мы подошли ближе, и вот тут-то убедились, что собой представляли облегченные

итальянские переборки – под напором воды они выпучивались, как фанерные, в них появлялись трещины, через которые начинала фонтанировать вода.

Старшина 2-й статьи В.В. Скачков:

– Переборки трескали, выгибались и лопались, как яичная скорлупа. Видел своими глазами, так как я был расписан в аварийной партии. Вместе с другими заdraивал люки, двери, ставил крепления, подпоры... Как только переборка сдавала и нас заливало, переходили в следующее помещение...

Командир аварийной партии с крейсера «Молотов» инженер-капитан-лейтенант В.М. Говоров:

– Мне было нелегко на линкоре не только потому, что шел самый настоящий бой с поступавшей водой, но и потому, что я не знал расположения подпалубных помещений «Новороссийска». Я рассчитывал на выучку матросов аварийных постов, на их знание корабля, и не ошибся. Они оказались отлично подготовленными, свободно ориентировались в кромешной тьме. Мои команды выполнялись в считанные минуты, все делалось спокойно, молча. Только стук кувалд да скудные фразы: «Держи крепче!», «Давай клинья!», «Конопать швы!» А потом пошли доклады: «Подпоры подставлены!», «Люки подкрепили!..»

Без водолазного снаряжения матросы-аварийщики ныряли под воду и там конопатили щели люков. И лишь когда вода доходила мне до подбородка (а мой рост 186 см), я давал команду «Покинуть помещение!»... Так мы дошли до так называемых «теплых коридоров», где уже не было поперечных переборок, то есть до района машинно-котельных помещений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.